

ДЖАЛ ХАЛГАЕВ

ОСКОЛКИ

Джал Халгаев

Осколки

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Халгаев Д.

Осколки / Д. Халгаев — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Здесь каждый монстр – дух человека, пожелавший после смерти остаться в мире живых. Они не помнят прошлого, не помнят больше ничего. Единственное, что ведет их в новой жизни, - жажда свежей крови и нестерпимый голод плоти. Убийство монстра считается страшным грехом, но существуют люди, к которым обычные законы смертных не относятся. Проводники Душ – инструмент, созданный для убийства опасных чудовищ. Однако кто большее чудовище: заблудшая душа, запутавшаяся в своих желаниях, или человек, способный безнаказанно убивать всех и каждого, кто встанет у него на пути?

© Халгаев Д.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

История первая: ПЛЕННИК	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Джал Халгаев

ОСКОЛКИ

История первая: ПЛЕННИК

Ольха

Волки – худшие создания на всей Бескрайней Земле, которые только могли появиться в мире. Нет, я говорю вовсе не о тех благородных и величественных зверях, что всегда борются до последней капли крови и никогда не предадут доверия своей стае, а о Волках – кровожадных, омерзительных и беспощадных животных, когда-то являвшихся людьми, а ныне ставшими порочными порождениями Ледяной Пустоши.

Они могут притворяться сколь угодно добрыми, могут десятилетиями скрывать свою черную лживую натуру или совершенно бескорыстно спасти мир от самого темного и смертельно опасного древнейшего зла, но никогда не изменятся. Не потому что это невозможно, вовсе нет – просто потому что не хотят. К сожалению, эта истина дошла до меня слишком поздно...

Все началось тогда – далекие девятнадцать лет назад. В год Вересковой пустоши или Верещатницы, как называли такие трудные времена южные племена карийцев. Не важно.

Я помню, как мама с нетерпением ждала дня моего рождения. Помню запах печеных пирогов и свежей мяты, витавший в доме, и все еще слышу в голове ее приятный нежный голос, шепчущий мне о том, что я ее самое дорогое сокровище во всем мире. Я думала, что была в безопасности.

Мне должно было исполниться шесть.

Что ж, исполнилось. Но вместо праздничных свечей и подарков, обернутых в цветастые шелковые ленточки, я получила пожар, боль, отчаяние и целые улицы, залитые кровью до самых дверей домов, а от потока свежих склизких тел, над которыми огромной непроглядной тучей кружили в воздухе жирные трупные мухи, не было спасения.

За три года до этого народ взбунтовался: никто не хотел жить по соседству с Волками, и я их вполне понимаю. С этими тварями, пожирающими друг друга ради силы и власти, не осмелится жить и самый отбитый маньяк, что уж говорить об обычных фермерах и более-менее мирных жителях тогдашних городов.

Тогда погибли почти все они – вернее, так считал еще живой Держатель, но, как видимо, ошибся, и люди жестоко поплатились за эту ошибку. Волки никогда не прощают обид, в этом я убеждалась не раз, как и уверились в этом ни в чем неповинные жители Суцито, моего родного города.

Каждый раз, когда закрываю глаза, я вижу перед глазами красно-серый поток огромных звериных тел, покрытых серебрящейся от крови бурой шерстью, и их желтые безумные глаза до сих пор вызывают у меня лишь страх.

В кошмарах я слышу крики. Они молят о помощи своих богов, призывают идти в атаку и зовут пропавших куда-то родителей, но все обрываются одинаково: отвратительный булькающий звук подступающей к горлу крови, а затем тишина. Среди них я узнаю и свой голос.

Пожалуй, тот день начинает мне сниться слишком часто. Порой я начинаю к нему привыкать и забываю о произошедшем, но не сейчас – сейчас все так же ясно, как и небо в погожее спокойное утро.

Я бегу к ней на встречу. Мама тянет ко мне свои руки и пытается пробиться сквозь гору нависших над нами окровавленных трупов, но вдруг откуда-то сзади раздается леденящий

душу утробный рык, и я оказываюсь на земле, прижатой к влажной булыжной мостовой тяжелой Волчьей тушей, скалящей на меня клыки. Казалось, еще секунда, и мне конец, но внезапно прямо передо мной проносится размытая серая тень. Она сшибает Волка и в одно мгновение отрывает ему голову от тела, а затем мощными лапами раздирает грудь и съедает еще теплое бьющееся сердце, выковыривая его из темницы загнутых ломающихся словно спички ребер.

И глаза...

Такие же желтые и безумные, но в них я видела еще и жалость, разум. Я думала, что он спас меня, но все оказалось куда хуже. В одну секунду вся человечность ушла из него. Второй Волк развернулся и прыгнул.

В последний раз я видела маму в его пасти.

Дни, кардинально изменившие мое будущее, я могу сосчитать по пальцам, и так уж случилось – какая ирония! – что все они приходятся именно на мой день рождения. Видимо, такова уж моя судьба.

После смерти мамы я полностью оказалась в своем собственном распоряжении. Отец и раньше-то меня никогда особо не замечал. Он всегда хотел сына, продолжателя рода, а получил одну меня, и детей у них с мамой больше не получилось, что уж с этим сделаешь. Даже не понимаю, и за что она его полюбила? Я сотни раз пыталась найти в нем светлые стороны, но, кроме порой фанатичной заботы о своей кузнице у черта на куличиках, ничего не всплывало. Любовь – сумасшедшая штука, и я никогда не перестану этому удивляться.

Мы жили каждый своей жизнью, и это меня вполне устраивало. Я прибиралась по дому и готовила, как это делала раньше мама, а он откладывал мне часть всех заработанных денег, молчаливо протягивая мне их через весь стол или иногда бросая пару словечек. Казалось, все так и будет идти своим чередом, пока я не встречу какого-нибудь оборванца с дороги и не выйду за него замуж, тем самым избавив папу от своего присутствия, но в мой тринадцатый день рождения все пошло прахом. Могла бы догадаться: как раз к носу подступала очередная Верещатница, третья в моей жизни.

Наверное, настроение у меня должно было быть ни к черту, все-таки очередная годовщина смерти мамы, однако со временем все забывается. Я все еще видела в кошмарах тот день и по-прежнему до жути боялась Волков, но та новость, что папа вновь собирается жениться, меня даже обрадовала: будет больше времени на себя, да и отец, может быть, очнется после долгого сна.

Я мирно шла домой из лавки пекаря на седьмом переулке, скопив-таки немного денег на приличный праздничный пирог, который собиралась разделить с моими подружками из Глинок, и с улыбкой представляла их удивленные лица, как вдруг услышала позади легкие шаркающие шаги.

Их было четверо. Еще мальчишки, на два-три года старше меня. Лица они прикрыли глубокими капюшонами, но одного я все-таки сразу же узнала – трудно не заметить у человека два глаза абсолютно разных цветов. Фальрик – приемный сынок тогдашнего бургомистра, славившийся на весь город своим больным воображением и душевным уродством. Говорят, в свои шестнадцать он уже погубил двух мужчин и одну женщину, но доказать этого никто не смог. Ну, конечно, никому лишние проблемы с властью совсем не нужны, а семьи... А что семьи? Погорюют, погорюют, а им еще и деньги за это приплатят – будут молчать.

Не успела я повернуться обратно, как один из них – высокий и худой как спичка – прошмыгнул мимо меня и загородил мне путь к отступлению.

Я хотела закричать. В конце концов, не трудно догадаться, зачем они явились, а на улице все-таки еще стоял ясный день, да и прохожих было просто немерено. Я видела, как бурный поток людей проскальзывал в маленькой щели между домами, до которой было рукой подать.

Но во рту тут же очутился самодельный кляп из скрученных кусков старой, пропахшей оружейным маслом холщовой ткани.

Они прижали меня к холодной кирпичной стене высокого постоянного двора. Один держал сзади за волосы, намотанные на его кулак, и больно оттягивал голову вниз, так что я едва могла видеть нападавших. Другой, злобно ухмыляясь, стоял в сторонке и ждал своей очереди, а Фальрик, подойдя вплотную, водил по моей шее холодным стальным стилетом, оставляя на коже неглубокие кровавые порезы.

– Рыжая, – сквозь слезы я едва могла слышать его глухой утробный голос. – Люблю рыжих.

– Что здесь творится? – шепнула я Белке, едва разглядев копну ее растрепанных льняных волос в общей суматохе.

– Оляха! – та радостно повисла на моей шее и чмокнула в щеку. – С днем рождения! А я тебя с утра искала, все никак найти не могла, ты где была, а?

– Гуляла, – хмуро отозвалась я и покосилась в сторону центра городской площади.

Там на круглом деревянном помосте стоял старик. На вид ему было лет шестьдесят. Спина его сгорбилась, плечи поникли, а полуслепые прищуренные глаза все пытались разобрать что-то на небольшом кусочке пожелтевшего пергамента, что он держал в сухоньких дрожащих руках, но голос звучал твердо и громко – к сожалению, не так, чтобы до меня хоть отдаленно дошел смысл его слов.

– Ага, гуляла, как же, – подмигнула мне Белка. – Шестнадцать уже стукнуло, нашла уже кого, небось, а с подругами не делишься. Не хорошо, Оляха, колись уже, кого себе присмотрела?

– Иди ты, – беззлобно отозвалась я. – Самой уже семнадцать, а все ждет чего-то. Смотри: останешься старой девой, да и померешь в одиночестве среди десятка кошек.

– Ну, мне это уж точно не светит, в отличие от некоторых.

Я вздохнула. В этом она права: Белка была самой красивой из всех местных девушек, которых я только видела, и мастерицей она тоже была на все руки – этого уж точно хватит, чтобы захомутать какого-нибудь богатенького мужичка из столицы и жить в достатке до конца своих дней. Конечно, если он не подойдет раньше от ее скверного характера.

– Кстати, – продолжила тараторить она, – в «Улиции» сегодня будет шумно. Какая-то орава солдатиков из Провицы решила закатить гулянку, они проставляются, вот только, боюсь, места-то не всем хватит, каждый на халяву покутить охоч. Надо прям щас идти. Ты с нами?

– Нет уж, спасибо. Забыла, что случилось в прошлый раз?

Белка хмыкнула и улыбнулась.

– Такое забудешь. На первой до сих пор обгоревшие деревяшки соскребают со стен, а на статуе Райны на второй еще красуются бараньи рога!

– Вот именно, – я кивнула и снова прислушалась к клирику в мешковатой серой робе, обернутой на поясе темно-зеленым тканевым поясом. – Пошли, подойдем поближе.

Прежде чем она открыла рот, чтобы возразить, я схватила ее за локоть и уже уверенно тянула вперед, расталкивая народ локтями.

Мне было действительно интересно. Столько народа на площади не собиралось еще со времен казни прежнего бургомистра, когда его всем городом сжигали живьем на костре, а потом еще полтора месяца поминали, причем исключительно хорошими словами. Что поделывать, о покойниках плохо не говорят.

– Оляха! Ай, сволочь, уйди ты с дороги! – похоже, кто-то все-таки наступил ей на ногу. – Оляха, кому говорю, остановись! Там дальше и блоха не проскочит, куда уж нам. Раздавят ведь, раздавят, как Фомку в прошлом году!

Я притормозила. Чего-чего, а Белка убеждать умела.

Фомка – шестилетний малец, что вечно ходил с нами как неотлучный крысиный хвост, и всегда с радостью выполнял любую нашу просьбу, погиб зимой прошлого года, когда в Суцито решил вдруг заявиться какой-то хмырь из Совета. Он тогда выбежал на дорогу, а стражники, поленившись останавливать всю процессию ради какого-то мелкого заморыша, попросту затоптали его копытами своих лошадей. Ужасная смерть, особенно для ребенка.

Только я снова взглянула на клирика, как увидела, что он уже сворачивает свой старенький листок и спускается с помоста, а трое молодых послушников, которые по наряду отличаются лишь белой повязкой на поясе, с каменными лицами помогают ему, придерживая под локти.

Вот же черт, не успели!

– Ты-то хоть слышала, о чем он говорил?

Белка поморщилась и лениво дернула плечом.

– Когда меня интересовали слова этого старикана, Ольха? Пошли лучше, сейчас «Улиция» наверняка уже битком набита, а я не хочу стоять у дверей и слушать, как эти придурки веселятся без меня!

Я закатила глаза.

– Ладно, по... – я уже хотела согласиться, как вдруг позади нас раздался звонкий голос Никасима, местного балагура и, по совместительству, барского дурачка.

– Поймали! – орал он так, что его голос разносился по площади и уходил далеко-далеко, эхом отдаваясь от стен. – Поймали! Там, у ворот!..

Он на секунду замолчал, оступившись на ровном месте и угодив лицом в землю.

– Кого поймали-то, придурок? – угрюмо отозвался какой-то мужик из толпы.

Ну, придурком я Никасима бы не назвала. Наоборот, городской балагур отличался великолепным умом и сообразительностью настоящего сыщика, но на публике предпочитал строить из себя полного идиота – на такого никто внимания обращать не будет. Особенно стражники, ведь если бы бургомистр прознал, что он тайком расшатывает доски сундука с податью, а потом собирает с дороги монетки липкой подошвой своего сапога, то точно приказал бы отправить его на дыбу.

– Проводника, – выдохнул Никасим, и народ сразу же с интересом подался к нему. – Проводника поймали.

– Где?

– У ворот!

Я успела шмыгнуть за угол дома и утянула за собой Белку как раз вовремя. В следующую секунду весь народ, находящийся на площади, организованно ломанулся к воротам, поднимая в воздух чертову тучу пыли и вызывая чуть ли не вселенское землетрясение, а клерк, оставшийся далеко позади и угодивший под не вполне дружественные тычки руками и ногами, громко сыпал проклятиями на всю округу.

– Ого, – присвистнула Белка. – Даже и не думала, что наш дражайший церковник знает такие слова. Вон, смотри, даже послушники покраснели!

Я лишь усмехнулась. Зуб даю, она еще не знает, сколько денег этот «милый» человек тратит в местном борделе каждую ночь.

Она уставилась на меня своими голубыми глазами.

– Ну, идем мы или нет?

– В «Улицию»?

– Какую «Улицию», Ольха?! Ты что, оглохла или Никасима не слышала? К воротам, к воротам! – теперь уже она взяла меня под локоть и потащила в ту сторону, где скрылись люди.

– Святая Райна, Белка, – вздохнула я, – мы-то что там забыли?

– Нет, ты точно сумасшедшая, Ольга. Проводника же изловили. Это тебе не какие-то там посиделки в замшелой вонючей корчме, дуреха – такое случается раз в жизни! Ты-то когда-нибудь видела одного из них?

Я покачала головой. Да и на кой черт мне сдались эти проводники? Папа всегда говорил, что от них одни проблемы, да и я не возражала, ведь тот, кто может безнаказанно убивать людей, просто не может быть хорошим человеком. Видимо, этот в чем-то очень провинился, раз его поймали.

– Вот и я о том же. Пошли!

Пока мы добирались до ворот, у них уже скопилось прилично народу, вот только на этот раз никто не толпился: все смиренно стояли в две линии вдоль дороги, образуя живой коридор до самого Каравая.

– Туда, – шепнула мне Белка, и мы проскользнули мимо хмурых стражников с алебардами, оказавшись в первом ряду.

– Что-то я здесь не вижу никакого проводника...

Я огляделась. На улице было тихо. Поразительно тихо. Мне сразу же вспомнился тот день, когда умер Фомка, и это мне совсем не нравилось.

Внизу живота неприятно закрутило, и я готова была уже уйти, как тут у ворот загромыхали копыта ездовых лошадей.

Сначала по дороге проехалось трое всадников в темно-серых одеждах. Они внимательно оглядели нас, видимо, выискивая возможных пособников пленника, а их пальцы сжимали рукояти изогнутых стальных сабель, от одного вида которых у меня по коже пробежали ледяные мурашки.

Всадники убедились, что угрозы нет, и коротко кивнули друг другу, а затем один из них, что ехал в центре на гнедом жеребце, свистнул и махнул рукой кому-то за стенами города.

Я затаила дыхание. Признаюсь, сейчас мне стало действительно интересно.

Белка несильно сжала мою ладонь и шепнула:

– Как думаешь, какие они, а? Говорят, они огромные как великаны и одной рукой могут раздавить тебе череп как какой-то орех. Я, конечно, не верю в эти сказки, но все же... Я бы ни в жизнь не пошла убивать какого-нибудь болотного хмыря. Ни за какие гроши!

Я согласно кивнула.

Вдалеке замелькали размытые силуэты солдат. Сначала я приняла того, кто шел в середине, за одного из них, но потом, когда они подошли ближе, заметила длинные железные цепи, прикованные к рукам и ногам высокой тощей фигуры.

– Выглядит... обычно, – разочарованно пробормотала Белка. Энтузиазма у нее заметно поубавилось.

Ага, зато у меня его стало хоть отбавляй.

Я подалась вперед, чтобы получше разглядеть плененного проводника, но стражник, стоящий поодаль, угрожающе качнул алебардой, и я осталась стоять на месте. Вот черт!

Разочарованно выдохнув, я стала ждать, пока они подойдут ближе, и продолжала пристально разглядывать пленника.

На вид ему было лет двадцать-двадцать пять. Внешне он почти ничем не отличался от обычного мужчины его возраста, только своей необычной худобой (в нашем городке все мужчины были или мускулистыми, или толстыми как хряки) и поразительно бледной тонкой кожей, сквозь которую ясно проступали очертания ребер.

«Как глиста!» – промелькнуло у меня в голове.

Среднего роста, слегка сгорбленный и голый по пояс, от чего виднелись длинные кровавые разводы его ран, он медленно шел в мою сторону, склонив голову. Его длинные черные волосы доходили до плеч и грязным потоком ниспадали на грудь, закрывая лицо, плечи

поникли, а истерзанные клинками костлявые руки были сведены вместе перед ним и опутаны цепями до самых локтей, из-за чего те громыхали на каждом его шагу.

Я опустила взгляд чуть ниже и хмыкнула: вместо брюк на нем красовалась премиленькая набедренная повязка, составленная из старого полотенца и обычной бельевой веревки. Это он так деньги не любил тратить, или его поймали не за тем делом?

Что-то тихо хлюпнуло.

Проводник припал на одно колено, но всадник, сопровождавший его, резко дернул за цепь, заставляя его подняться. Пленный устало поднял голову и что-то невнятно сказал. Он попытался встать, но тут же поскользнулся на стоптанных в кровь стопах и рухнул обратно.

Тот, что был на гнедом, ругнулся и приказал своим поторапливаться.

– Ладно, все с ним ясно, – проворчала Белка. – Пошли отсюда, может, еще в «Улицию» успеем.

– Ты иди, я тут пока останусь.

– Чего ты хочешь здесь выглядеть, Оляха? – продолжала уговаривать меня подруга. – Я-то думала, будет интересно, а тут все как всегда. Сейчас его протащат как мешок с картошкой по дороге и запрут в Каравае, а там уж он и концы отдаст, ничего необычного.

– Так это же проводник. Сама ведь хотела посмотреть.

– Ошиблась, значит!

– Нет, Белка, я остаюсь.

Подруга расстроено пожала плечами.

– Ну, тогда пока. Завтра увидимся!

– Ага, давай, – я снова повернула голову в сторону пленника.

Тот за время нашего разговора уже подошел вплотную ко мне, и при большом желании я могла даже дотронуться до него рукой, но сразу же прогнала из головы эту сумасшедшую мысль.

А люди шептались. Они не могли поверить, что этот паренек в одном... полотенце и есть тот страшный и могущественный проводник душ, что одним щелчком пальцев может выбить из тебя дух. Ну, я их в какой-то мере понимала: в этом мужчине я не видела ни намека на угрозу.

Однако стоило мне лишь моргнуть, как все переменялось.

Пленник на мгновение остановился. Его мышцы напряглись, а ноги немного согнулись в коленях, будто он собирался прыгнуть. Все затихли.

– Чтоб тебя Холхост побрал, сучье ты отродье! – выругался тот, что держал цепь, и снова потянул ее на себя, но в следующую же секунду оказался прижатым к земле, и колено проводника со всех сил вперилось ему в позвоночник.

Раздался тошнотворный хруст – солдат страшно закричал и в ту же секунду свалился в обморок от шока.

Я чуть не подавилась. Никто даже понять не успел, что произошло, а пленник уже стащил вниз второго всадника и безжалостно свернул ему шею как беззащитному цыпленку. Тот даже вскрикнуть не успел.

Началась суматоха.

Бабы кричали, народ разбегался во все стороны, беспокоясь за свои шкуры, и только я осталась стоять на месте, наблюдая, как стражи гибнут как мухи один за одним, а их кости ломаются словно сухие ветки.

«Гнедой» с проклятьями пнул в бока лошадь и понесся на проводника, заноса над головой свою саблю.

Оружие расчертило в воздухе длинную серебряную дугу, но проводник не сдвинулся с места.

Отбросив в сторону очередной труп своей жертвы, он поднял голову и выжидающе уставился на капитана стражи, накручивая на запястья свои оковы.

Я вскрикнула, когда острое сабли распоролло ему правое предплечье.

На дорогу, устланную красноватыми кирпичами, хлынула темная багровая кровь.

Проводник завалился на бок и рухнул на колени. Цепь на его руках глухо звякнула. Всадник не успел остановиться, и его жеребец, запутавшись в железных оковах, рухнул на землю. С грохотом он подмял под себя своего хозяина, и его копыто угодило прямо ему в голову. Звук был такой, словно треснуло куриное яйцо.

Шатаясь, пленник поднялся, едва не лишившись рук, а за его спиной, пытаясь пробиться через визжащую толпу, к дороге пытались протиснуться подкрепление. Коротко глянув в их сторону, он развернулся и побежал прямо ко мне, хромая на левую ногу.

Я попятилась, понимая, что не успею уйти. Через секунду мы с ним оказались прямо лицом к лицу. Я зажмурилась, ожидая, что сейчас меня убьют, но вместо этого хриплый голос с усмешкой произнес:

– Девчонка, – выдохнул он. – Знала бы, как больно...

– Ч-чего?

– А я ведь почти ушел!

В следующий миг он с глухим стуком свалился рядом, а в его боку – в том месте, где должна была находиться левая почка, – зияла страшная рана, в которой хищно поблескивал алым короткий арбалетный болт.

– Людвиг!

Этот голос заставил меня вздрогнуть, и скользкая стеклянная солонка проскользнула между пальцев и с треском разбилась о деревянные половицы, исторгая из себя содержимое.

– Черт, – выругалась я и кинулась собирать с пола соль.

Папа устало вздохнул.

– Да, Марта?

– Людвиг, ты не мог предупредить, что мы уезжаем хотя бы на день раньше?

– Я уже говорил, Марта, что это срочно! Я и сам не знал, что мы уедем.

– Напомни-ка, зачем мы срываемся и бросаем наш дом на целый месяц? У тебя работа, Людвиг, а у меня на рынке дел по самое горло, и я не намерена все оставлять этой хитрющей лисице, чтобы она там все переверотила назло мне!

– Да, пап, – поддержала я свою мачеху, – с чего это вдруг?

– А ты вообще молчи, Ольга, – беззлобно поморщился он. – Нет, куда ты вообще смотрела, а? Ладно, как и все, кинулась к воротам, но почему не побежала? Он ведь мог тебя убить.

Две пары глаз испытующе уставились на меня, и я не нашла ничего лучше, как просто пожать плечами.

– Ну, не убил же.

Марта фыркнула, но напоминать о случившемся у ворот больше не стала, вновь наседая на отца по поводу нашего внезапного отъезда, а тот продолжал в ответ закатывать глаза и отнекиваться.

– Кстати, – вновь подала я голос, не поднимая головы от пола и продолжая соскребать с половиц оставшиеся крупички белой соли, – а за что его взяли? Проводника?

Марта махнула рукой.

– Держатель опять чего-то там напридумывал, – ответила она. – Кажется, из-за какой-то твари погибла то ли его сестра, то ли любовница, и он как всегда решил все скинуть на проводников. Сама-то не слышала, что ли?

Я качнула головой.

– В общем, теперь любой, кто встретит одного из этих проходимцев, обязан доложить все стражам, а там уже по накатанной.

– В смысле?

– Сначала в темницу, а потом на плаху, – отрезала она и вернулась к своему излюбленному занятию.

Я закусила губу. Неужели все так просто? Раз один из них провинился, обязательно ли из-за этого наказывать десятки других? Ведь это столько жертв! Ладно, сами проводники, но еще и люди, которых они могли спасти, невинные души, в конце-то концов! Хотя вон, в Тарантуре такой закон еще в прошлом году приняли, и ничего, живут, вроде как.

Я вздохнула. Власть – странная штука...

Внезапно к нам громко постучали.

Мы втроем замерли и молча уставились на сотрясающуюся как от порывов штормового ветра дверь.

Марта стала подниматься со стула, но отец положил на ее плечо руку и отрицательно покачал головой. Он прошептал:

– Наверх, обе. Быстро!

– Папа, что, черт возьми...

– Тьфу, Ольга, когда-нибудь ты меня будешь слушать?

Я нахмурилась: с чего это вдруг такой интерес к моей персоне? Но спорить не стала.

– Пошли, – Марта взяла меня под руку и повела к лестнице на второй этаж.

Мы поднялись по ступенькам. Марта хотела увести меня в их спальню, но я упрямо остановилась и мотнула головой, припав боком к углу и нервно сжимая пальцами шероховатые деревянные перила.

– Да что же с вами сегодня творится?

Дверь оглушительно хлопнула. Я услышала топот тяжелых сапог по полу и тихий возмущенный голос отца, но я так и не услышала, о чем он говорил.

– Прости...

Мои брови взлетели вверх. Я ослышалась, или Марта извинялась? Передо мной?!

Она вздохнула. Она подошла ближе, ее рука мягко легла на мое плечо, и мне вдруг стало до чертиков страшно, что даже волосы на загривке встали дыбом, а колени сами собой подогнулись.

– Надо было все рассказать, Ольга, – от волнения делая ударение на первый слог, прошептала она. – Все-таки мы тебе не чужие. Да, между нами были разногласия, я не буду спорить, но Людвиг тебя любит и...

– Замолчи! Заткнись!

Марта вздрогнула и отпрянула.

Я дрожащими пальцами прикоснулась к обрезанным растрепанным локонам и провела ладонью по своим волосам.

– И давно вы... – я сглотнула, стараясь сдержать слезы. – Давно вы знаете?

– С прошлого месяца, – честно ответила Марта. – Людвиг отказался продавать Гансу стилет, и он, в общем, проболтался. Сначала мы думали, что он врет, но потом спросили кое-кого, и те подтвердили. Святая Райна, Ольга, такое не скрывают! Но я до сих пор не понимаю, почему он хотел уехать...

Я поморщилась, но отвечать не стала.

– Что сделал отец, Марта?

– Он подал жалобу Правителю...

– ЧТО?!

Я со всех ног помчалась по лестнице вниз, но Марта нагнала меня у самого конца и прижала к стене, и я ничего не смогла с этим сделать: женщина была в полтора раза выше меня и в сто раз сильнее.

– Пусти! – выдохнула я ей в лицо. – Ты что, дура? Ладно, он, но как ты могла это допустить?

– Что? Ты про что, Ольга?

В эту секунду до нас донесся грохот и треск ломающегося стекла – большого круглого зеркала, что висело в прихожей, сразу же догадалась я.

– Вот про это.

Мы обе одновременно побежали в сторону шума и рассерженных голосов.

Я застыла, так и не успев сделать и трех шагов.

– Ну, привет, рыжая, – прогундосил Фальрик, вытирая платком со стилета кровь. – Говорил же я тебе: скажешь кому, и твой папаша отправится на тот свет.

– Я... – я сглотнула, боясь посмотреть в ту сторону, от которой по полу растягивалось длинное пятно крови. – Я никому не говорила.

– Людвиг! – Марта кинулась к мужу, но в следующую секунду ее остановил серебряный росчерк палаша. Отрубленная голова с глухим стуком подкатилась к моим ногам.

Все тело предательски задрожало. Мне стало дурно. Я пошатнулась и вцепилась слабеющими руками в перила, медленно оседая на пол. Мертвы. Оба.

– Не важно, – поморщился сынок бургомистра и повернул голову в сторону трех огромных наемников, одетых в мундиры солдат. – Я приберусь. Убейте девчонку.

Те важно кивнули и направились в мою сторону, убирая оружие в ножны: меня за угрозу никто не считал.

Один из них – лысый, с длинным кривым шрамом, уродующим лицо, – схватил меня за горло и легко приподнял над землей, все сильнее стискивая пальцы.

Перед глазами все двоились, заплывали круги.

Я попыталась вырваться, но его толстая мускулистая рука даже не дрогнула. Тогда я изогнулась и изо всех сил пнула его каблуком туфли в пах.

Мужчина вскрикнул и согнулся, а его хватка ослабла всего лишь на долю секунды, но мне этого хватило.

Я ударила его ногой в живот и укусила за ладонь. Не выдержав, он отпрянул, и я, подгоняемая ужасом скорой смерти, помчалась на второй этаж, слушая, как стучат их сапоги по деревянным ступеням.

Добежав до поворота, я схватила с небольшого туалетного столика увесистую глиняную вазу и, не глядя, запустила ее в первого нападавшего, который уже преодолел почти все разделяющее нас расстояние.

– Тварь!

Ваза угодила прямоком в левый глаз, и ее острый осколок глубоко засел в его скуле. Он пошатнулся и завалился назад, опрокидывая других двоих, и они вместе с грохотом скатились вниз. Один, кажется, свернул себе шею.

Я схватилась за ручку оконной рамы и дернула ее на себя, но она не поддавалась.

– Черт!

Я подняла с пола округлый кусок продолговатой деревяшки и изо всех сил саданула им по стеклу, и то с треском рассыпалось на части.

Я оглянулась. Двое наемников уже очнулись и стремглав ломились ко мне, и по их виду я могла уж точно сказать, что они бегут мне не приз вручать, а орут так вовсе не от радости.

Стараясь не терять ни секунды времени, я просунулась в раму и крепко схватилась руками за каменные выступы, разорвав в клочья подол своего платья.

Внезапно с востока дунул порыв холодного ветра.

Я ойкнула и покачнулось. Мое тело стало стремительно крениться назад, а скользкие от пота пальцы напрочь отказывались нащупывать опору. Подошвы туфель тихо чиркнули по подоконнику.

На секунду я повисла в воздухе, но все же успела вытянуться и схватиться руками за края выступающей черепичной крыши, а ноги все так же оставались на весу, и я никак не могла дотянуться ими до разрушенной рамы.

Я сглотнула – долго я так не продержусь, пальцы снова начинают скользить, а мышцы уже трещат от натуги.

– Вот она!

Наемники все-таки добрались до окна, и еще одна бритая и лоснящаяся от пота голова высунулась на улицу. Он сплюнул и оскалился, глядя на меня.

– Попалась, мразь.

Лысый вынул из-за пазухи старую дагу и коротко замахнулся, намереваясь пустить мне кишки.

Мне ничего больше не оставалось, как просто разжать пальцы и прыгнуть вниз.

Кажется, я сломала себе позвоночник... Фу, показалось!

Стоная от боли во всем теле и на ходу выковыривая из левого плеча глубоко засевшие деревянные щепки, я медленно села и схватилась за живот, в котором нечто громко урчало и серьезно намеревалось выбраться наружу.

– Оляха, чтоб тебя Холхост побрал, дрянная девчонка! – возница успокоил испугавшихся лошадей, соскочил с козлов и тут же ринулся ко мне.

Венц скинул с головы шляпу, покрытую серой пылью, и помог мне подняться на ноги, придерживая под локоть.

– Ты как? – обеспокоенно спросил он.

– Норма...

Договорить я уже не успела, так как содержимое моего желудка требовательно скользнуло вверх по пищеводу и самостоятельно нашло выход через рот. Венц едва успел отпрыгнуть в сторону.

– Помилуйте меня святые... – пробормотал он, переводя взгляд на свою разрушенную карету, от которой остались одни колеса да парочка ржавых железяк.

– Венц, – отдышавшись, я схватила его за руку. – Марта, папа...

– Что?

В эту секунду краем глаза я заметила знакомый серебристый блеск стали.

– Ложись!

Я толкнула кучера в грудь, и мы вместе упали на землю.

Выждав пару секунд, я открыла глаза и посмотрела наверх. В пустом окне уже никого не было, только пара продолговатых стеклянных осколков, походящих на сосульки, раскачивались на ниточке белесого клея по ветру.

Кажется, промахнулся.

Я взяла Венца за руку и осторожно дернула ее, говоря, что можно подниматься, но тот не ответил. Я села на колени. Крик так и застрял у меня в горле.

Тяжелый арбалетный болт глубоко засел в черепе кучера, почти расколов его на части. Серо-желтые окровавленные ошметки мозгов валялись на булыжной мостовой, белые осколки кости проткнули изнутри глаза, и те вязкими струйками выливались из округлых глазниц, а огромная лужа запекшейся алой жидкости уже подступала к моим ладоням.

Я в ужасе отшатнулась. Кажется, рядом кто-то закричал.

Я медленно поднялась, стараясь удержаться на своих ватных ногах, и глянула в сторону переулка, в котором уже маячили темные силуэты трех людей: двух наемников и рассерженного Фальрика, размахивающего своим стилетом как волшебной палочкой.

На секунду мой взгляд задержался на теле Венца, а затем я снова побежала.

Я петляла на переулках, расталкивала людей, и те бросали мне в спину гневные отклики, но я не обращала на них внимания: в ситуациях, когда на кону стоит твоя жизнь, все остальные проблемы разом забываются.

Я искала глазами стражей или хотя бы солдат, но тех, как назло, не попадалось.

Я перемахнула через невысокий дощатый забор и неумело приземлилась на правую ногу, подвернув лодыжку.

– Ой!

Не удержавшись, я свалилась мягким местом на землю и нос к носу встретила с круглой злобной мордой толстого черного пса, который скалил на меня клыки и заливал волосы вязкой вонючей слюной.

Я сглотнула, боясь пошевелиться.

– Э-э-э... Привет, дружок!

Челюсти клацнули перед самым носом. Забыв про больную лодыжку, я вскочила на ноги и помчалась дальше, улепетывая от пса по всему двору, покрытому скользкой от росы травой. Добравшись-таки до щели в заборе, я в один миг прошмыгнула в нее и оказалась снаружи, оставляя злобную тварь гавкать на меня с той стороны.

– Вон она!

– Черт! Что б ты сдох, сволочь! – в сердцах бросила я и захромала в противоположную сторону.

Я выбежала на площадь и на несколько секунд остановилась, чтобы восстановить дыхание и оглядеться. Стражей, проклятье, опять не было, зато я заметила в трех шагах от себя знакомую вывеску и тут же потрусила к ней.

Дверь пекарской лавки оглушительно хлопнула. Я припала к ней спиной и дернула затвор, а затем заодно защелкнула на косяке несколько цепей, чтоб уж наверняка. Почти тут же в нее забарабанили.

– Оляха?

Не обращая внимания на удивленного Шуйца, я кинулась к окну. Захлопнула ставни, опустила хлипкую маленькую защелку и медленно сползла на пол, стараясь успокоить колотящееся сердце.

– Оляха, что с тобой? – полноватый добродушный пекарь оставил стойку и сел передо мной на колени. – Это кровь?!

– Угадал.

За дверь что-то глухо бумкнуло, но та не поддалась, только угрожающе прогнулась вовнутрь будто какой-то лист фанеры, и сквозь щель просунулось короткое лезвие даги.

Шуйц вскрикнул.

– Здесь есть запасной выход?

– Д-да, там, в конце, – промямлил он, махнув рукой за спину. – П-пошли, я п-покажу...

Мы выскочили на продольную лишь за тем, чтобы увидеть, как к нашим лицам мчится зазубренное лезвие большой секиры. В последнюю секунду я едва успела пригнуться, но вот старый неповоротливый пекарь даже не успел понять, что произошло, как стальной полумесяц наполовину погрузился в его грудь и застрял между ребер.

Ругнувшись, наемник не смог вытащить из тела свое оружие и попросту выпустил его из рук.

Я кинулась влево, но тут же получила удар коленом под дых.

Фальрик, чье лицо было искажено маской гнева и ярости, схватил меня своей лапой за волосы и замахнулся, чтобы пронзить мое сердце стилетом.

Я всхлипнула, из глаз брызнули слезы. Я закрыла их, чтобы не видеть собственную смерть, но сына бургомистра прервал чей-то гневный оклик со стороны главной улицы.

– Фальрик, сукин ты сын! – орал на него бургомистр, пока пятерка стражей скручивала вырывающихся на наемников.

Фальрик чертыхнулся и нехотя выпустил меня, убирая стилет.

Я рухнула на землю и уставилась на невысокого, но статного и совсем не старого, несмотря на слухи, мужчину лет сорока в простом коричневом кожухе, расстегнутом на все пуговицы, так что была видна длинная золотая цепь с круглой печатью Правителя.

Бургомистр раздраженно провел ладонью по взлохмаченным светлым волосам. Короткий шрам на его губе угрожающе побелел, а глаз едва заметно дергался.

Ну, мне теперь точно конец...

Бургомистр за три шага преодолел все разделяющее их расстояние и отвесил сыну ядреную пощечину. Голова Фальрика дернулась, но сам он не двинулся с места.

В воздухе буквально чувствовалась ярость, исходящая от этого человека, но он молчал, зная, что с рассерженным держателем города лучше не ссорится даже собственному сыну.

– Идиот! Придурок! Ублюдок! Глупец! – продолжал кричать на него бургомистр. – Я тебе что сказал, полоумный ты урод, а? Я приказывал тебе среди чертового белого дня резать направо-налево мирных горожан? Приказывал? Отвечай!

– Нет, – коротко бросил в ответ Фальрик.

Пока они разбирались, я хотела незаметно улизнуть, но один из стражей, пристально глядевший на меня, отрицательно покачал головой и похлопал ладонью по висящему на поясе ятагану.

– Нет! – всплеснул руками бургомистр и еще раз ударил того по лицу тыльной стороной ладони. – Так какого же ты Холхоста поперся к ним в дом, да еще прихватил этих больных ублюдков из Подземья?

– Проклятье! Этот Людвиг подал жалобу Правителю, что мне еще оставалось делать?

– Пойти ко мне, тупой ты баран! Святая Райна, когда же у тебя появятся мозги в голове, Фальрик? Ты думал, что если Людвиг умрет, то все станет легче? Нихрена! Ты только все усложнил, собачий потрох, и теперь мне придется разгребать за тобой все твоё дерьмо. И это если меня самого не вздернут на виселице, что вполне возможно!

– А что ты бы сделал, отец? – Фальрик вытер с губ капельку крови и «одарил» меня своим фирменным демоническим взглядом, от которого у меня затряслись поджилки. – Ну же, жду твои предложения!

Бургомистр вздохнул и вытер со лба проступивший пот. Гнев в нем заметно поутих, а искры из глаз пропали.

Я глянула в сторону стража и закусила губу: он все так же внимательно наблюдал за каждым моим движением.

– Жалоба Правителю уже подана, – начал размышлять глава города, – ничего не изменишь. Остается только надеяться, что из-за всяких бумажных проволочек, скверной погоды и размытых дорог процесс затянется на несколько недель, а то и месяцев...

– Только толку?

Бургомистр устало покачал головой.

– Фальрик, пора бы уже тебе начинать думать. Кроме тебя у нас с Залией детей нет, и если бы не этот неприятный факт, то сдал бы я тебя уже давно в армию лет эдак на сорок, чтобы уму прибавилось, но так как это не так, я вынужден до сих пор прикрывать твои бесконечные пьянки и убийства в подворотнях.

– Делов-то...

– Лучше заткнись и слушай, – прервал его отец. – Правитель такие дела не любит, и обязательно пришлет в город проверку. Нам надо обставить все как несчастный случай, а твое... прошлое с этой девчонкой, – он коротко глянул в мою сторону и поморщился, – как само собой разумеющееся.

«Ага, а как же, – со злостью подумала я, – старайся, старайся, а вам все равно не вывернуться!»

– Говори яснее, отец.

Тот постучал костяшкой указательного пальца ему по лбу.

– Вот поэтому миру нужны книги, Фальрик, чтобы учиться. Обставим все так, что Людвиг был против и сам бросился на тебя с оружием, чтобы убить, но мы успели его вовремя обезвредить. Он скрылся, укрылся в своем доме, и мы послали за ним стражей. В порыве ярости он убил свою жену, – я поперхнулась, вытирая со щек слезы, – а когда убежал, заодно погубил отнятым у нас оружием – что ж, наша оплошность, но что поделать? – нескольких местных, а затем трусливо совершил самоубийство, вернувшись домой. А от этих верзил, – он кивнул в сторону наемников, прижатых к земле тяжелыми латными сапогами, – надо избавиться.

– Неплохо, но ты забыл одну маленькую деталь: люди же все видели!

– Поэтому такие вопросы решаю я, а не ты, Фальрик. С людьми легко договориться, особенно если провести для них несколько показательных экскурсий по Подземью.

– Туфта! – воскликнула я. – Вам ведь все равно никто не поверит. Правитель не такой дурак, чтобы закрыть глаза на столько убийств. Вам не уйти от наказания!

Бургомистр присел на корточки рядом со мной. Я попятилась, но уперлась спиной в тело Шуйца и застыла. Он улыбнулся – странно и до того зловеще, будто знал все мои сокровенные тайны.

– Он каждый день закрывает глаза на сотни смертей на трактах, так почему же один раз не оказать услугу и мне? Тем более, если ты сама подтвердишь все мои слова.

– Закатай губу обратно, – прошипела я.

– А ты наглая, – его улыбка стала еще шире, – и смелая, раз дерзишь самому бургомистру. Вот такая невеста моему сыну и нужна.

Еще минута прошла, прежде чем до нас дошел смысл его слов.

– Невеста?! – одновременно воскликнули мы с Фальриком.

– Но... отец!

– Во имя всех Садов, сын, – он вновь поднялся на ноги и покачал головой, – уймись уже, наконец, и послушай меня. Я могу прикрыть эти убийства, но изнасилование, увы, нет. Для Правителя это большая мозоль с тех пор, как его дочь взяла банда разбойников на одном из этих самых трактов, и в этом случае он с нами особо церемониться не станет. Но если вот она, – он указал на меня пальцем, – станет твоей женой, то все вопросы сразу же отпадут. Тем более тебе уже давно пора остепениться. Может, хоть молодая и красивая спутница тебя образумит.

Фальрик открыл рот, чтобы возразить, но бургомистр раздраженно махнул рукой, говоря, что никаких возражений от него больше не примет.

– Мне уже шестнадцать, – хрипло отозвалась я, – и для заключения брака вам нужно мое согласие, так?

– Именно.

– И вы надеетесь, что я вам его дам? Вы убили моего отца! И Марту!

– Дашь, – спокойно ответил бургомистр. – Вот посидишь в Каравае дней шесть, и дашь свое согласие как миленькая, в этом я даже не сомневаюсь. А мы тем временем все подготовим. Думаю, пара дней знатной пьянки заставит всех забыть о случившемся и поверить в мою версию событий.

Стражи молча подхватили меня под руки и потащили в сторону огромного круглого комплекса темниц, мрачной тенью нависающего над невысокими черепичными крышами каменных домов.

Йен

Я с интересом прислушался к происходящему у входа.

– Держи ее, не отпускай, черт бы побрал эту сумасшедшую девицу!

– Ай, тварь, она меня цапнула!

– Да что ты... Черт! Черт! Чего ты с ней возишься? Садани по башке, и потащили!

– Так этот барский недоносок приказал ж ее не трогать.

– Плевал я на Фальрика и его семейку, мне мое хозяйство важнее!

Глухой стук, крики стихли, и теперь я слышал только топот тяжелых туш по каменному полу темницы и шарканье ног «сумасшедшей девицы».

Я хмыкнул и улыбнулся.

Дура. Когда тебя тащат в клетку, и нет ни шанса выбраться, то упираться бесполезно. Лучше задрать лапки кверху и притвориться сломленным, а потом почесать всех ножичком поодиночке и спокойно смыться. Ну, что поделать, дилетанты есть дилетанты, нет от них спасенья.

Рядом присвистнул охранник. Он саданул короткой дубинкой по решетке, и та отозвалась неприятным визжащим дребезжанием, от которого у меня по коже прошла едва заметная дрожь.

Я поморщился.

– Ты там еще не сдох, бесовское отродье?

– Я сдохну, мой дорогой, только когда на твоей могиле танцевать буду, – лениво ответил я. – И то от радости, уж поверь.

Охранник сплюнул и в который раз нелестно отозвался о моей персоне. Они с напарником со скрипом открыли противоположную камеру и забросили туда кучку тряпья, которая, кажется, и была той тупой упирающейся девчонкой, а затем с грохотом затворили дверь, дождавшись, пока с клацаньем сработает запирающий механизм, и убрались восвояси.

Я вздохнул. Были бы ключи у этих двух оболдуев, я бы давно ушел, но так уж получилось, что все тюрьмы Каравая открывались лишь специальным особым ключом, который при себе носил лишь господин бургомистр, которого я не раз представлял себе дохлым и распятым на ближайшем вурдалачьем кладбище со светящейся табличкой на шее «СЪЕШЬТЕ МЕНЯ, ЕСЛИ СМОЖЕТЕ».

Я приподнялся и глянул на небольшое полукруглое решетчатое окошко, висевшее далеко наверху и едва пропускавшее достаточное количество света.

Раны ныли, но я уже ощущал, как они медленно затягиваются, а синяки постепенно рассасываются, оставляя после себя лишь неприятные красноватые следы.

На улице царило утро. Да, именно царило, потому что сам я никогда не любил солнечный свет. Может, он кому-то и полезен, но только не мне: только мешается да слепит глаза. В общем, одна чертовщина.

Сколько я уже здесь ошиваюсь? День? Два? Пора бы уже уходить, но моя обычно сообразительная башка сейчас напрочь отказывалась придумывать план побега, ограничиваясь мечтаниями об огромной свиной отбивной и паре распутных девиц в лучшем борделе столицы. Что поделать, организм требует своего. Особенно когда мне необходимо мясо.

Пару минут потратив на то, чтобы просто плевать в потолок и смотреть, как прозрачные капли жидкости летят в окошко, прочерчивая идеальную дугу (в этом деле я настоящий виртуоз), я попрыгал на каждой ноге, размявшись, и подошел к решетке.

Эта девчонка первое живое существо, кроме крыс, которыми я питаюсь, умеющее разговаривать, которое я здесь встретил, и так уж получилось, что я ее знал – именно она стояла тогда там, на площади, когда в меня угодил тот проклятый арбалетный болт.

Я поморщился и задумчиво почесал раненный бок.

Интересно, она-то здесь за что? В Каравай просто так не сажают, это уж я по себе знаю, и редко когда выпускают отсюда живым. Спросите, к примеру те скелеты, что до сих пор отсиживают свой срок в стенах этой дрянной влажной темницы, от которой у меня сводит кости.

Я подобрал с пола небольшой угловатый камешек и прикрыл глаз, примериваясь к расстоянию. Честно говоря, в подобных случаях меткостью я никогда не отличался, но сейчас мне невероятно повезло: камень, дважды проскользнув меж прутьев, угодил девчонке прямо в ухо и с поразительно глухим стуком, будто пнули пустую бочку, отскочил в сторону.

Та застонала, ворочаясь, и пыталась прийти в себя.

Наконец, девчонка села, уперлась спиной в каменную стенку своей клетки и притронулась пальцами ко лбу. Она подтянула колени и обняла себя за плечи, дрожа от холода.

Я присмотрелся и удивленно поднял брови. Ее волосы были обрезаны и едва ли доходили до плеч, топорщась почище любого одуванчика, а руки выглядели настолько тонкими и хрупкими, что она навряд ли могла ими кого-нибудь зарезать. Хотя яд – тоже вариант, да и мне ли говорить, сколько существует различных способов убийства. Вот только я никогда не слышал, чтобы в наказание женщинам обрезали волосы – что за бред!

Я постучал костяшкой указательного пальца по решетке, привлекая ее внимание.

– Привет, – шепнул я и кивнул ей головой, косясь в сторону запертой двери.

Услышав чужой голос, она испуганно отпрянула, словно нашкодившая кошка, и уставилась на меня яркими черными глазами, от которых у меня буквально были мурашки по всему телу. Со мной такого не было еще никогда...

Я вздрогнул и мотнул головой. Бред!

Не вспомнила. А жаль, спросил бы, что сморозил перед тем, как хлопнуться в обморок.

Увидев меня, она немного расслабилась и коротко кивнула в ответ, что-то сжимая в левом кулаке.

– Ты ведь проводник, да? – ее голос охрип от криков и слез.

– В точку, – ошибся, значит. – Не бойся, через решетку я тебя не загрызу.

– Я и не боюсь.

Я хмыкнул: все они так говорят, а потом улепетывают, в чем мать родила, прямо из постели, только пятки и сверкают.

– Ну, и ладно. Я-то без понятия, что вам про нас рассказывают, что ни год, то новая сказка!

– Не знаю. Ни разу таких не слышала, – она пригляделась ко мне, и ее глаза удивленно расширились. – У тебя уже все зажило? Я ведь сама видела, как тебя там отметелили!

– Еще кто кого отметелил, неизвестно! – оскорбился я, но потом пожал плечами. – Что поделать, я особенный.

Внезапно в глаза мне ударила едва заметная железная вспышка.

– Что там у тебя?

– Где?

– Да ладно, мы же с тобой теперь родные люди, мне можно доверять. Показывай!

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

Я крикнул от обиды. Да что же все такие скрытные сегодня, а?

– Ну-ну, как же, – я лег на пол и подложил под голову ладони. – А я еще хотел тебя с собой взять. Дай, думаю, девчонку еще вытащу, чего такой красоте здесь догнивать? На воле-то всяко лучше, а здесь она, зуб даю, проведет остаток своей жизни в компании разговорчивых скелетов да здоровенных голодных крыс.

Я прислушался. Молчит.

– Нет, я бы и сам здесь с радостью задержался, да – вот беда! – обслуживание ни к черту, да еще и хотят меня на виселице вздернуть в воскресенье. Подзадорить, так сказать, народ. А так... Ни пинту пива выпить, ни тебе окорок принести, только кашей и кормят. Хотят, наверное, чтобы на тот свет здоровенькими отправились, как думаешь?

– Я на тот свет не собираюсь.

– Хм. Понимаешь, в чем штука: выбора у тебя особо и нет.

– Есть, – она на секунду замолчала. – Но да, лучше уж здесь сдохнуть.

Ага, как же. Я когда-то тоже таким упертым был, а как три дня под половицами пролежал, от упырицы укрываясь, готов был сам себя перцем посыпать и в печь залезть, лишь бы сожрала быстрее, да вот незадача: поскользнулась, миленькая, на ровном месте, да клыки в мозг и вонзились.

– Зачем же сдыхать? Я ведь тебе предлагаю светлое будущее вдали от этих мрачных стен...

– И какая же плата?

– Беру натурой.

– Пошел ты!

– Ладно, ладно, шучу. Просто шучу!

Я хохотнул. Как же приятно хоть с кем-то поговорить!

– А платой будет посильная помощь. Разумеется, в самых что ни на есть разумных пределах.

Девчонка на несколько минут задумалась. В тюрьме повисла неприятная тишина, от которой все внутри противно зудело, а нос чесался. Я чихнул.

– Я тебе не верю, – наконец, призналась она.

По крайней мере, честно. Проводникам никто никогда не верит, вот только когда припрет, все к нам в очереди выстраиваются, да еще и в ножки с радостью кланяются, лишь бы мы их от проблемы избавили.

Что поделать, народ есть народ.

– Я и не прошу мне верить, девчонка. Просто договор враждующих сторон, оказавшихся в полной заднице. Взаимопомощь – отличная штука.

Она хмыкнула.

– А Белка говорила, что вы, проводники, самые сильные.

– Угу. Она, наверное, еще и говорила, что мы через стены проходить умеем, и живем вечно, и обычная сталь нас не берет, да?

– Это не так?

– Конечно, нет. Мы обычные люди, просто обладаем некоторыми... определенными знаниями в определенной сфере, только и всего. А все остальное, как я говорил, – сказки.

– То есть любой может стать проводником?

– Если выживет. Некоторые просто не созданы для подобной работы, – серьезно ответил я. – Но если подумать, то да, любой. Надо только найти толкового учителя, который согласится тебя тренировать: школ-то у нас нет. И чтоб он тебя не убил в первые два года обучения, а – поверь, – такое нередко случается. Все познается на практике. Так как насчет моего предложения?

– Выбираться надо, – кивнула она головой, – но откуда мне знать, что я тебе помогу, а ты меня не кинешь? Мне не охота гнить здесь с одной мыслью о том, что я помогла кому-то сбежать, а сама сглотнула и осталась.

– Ни откуда. Надо верить людям, девочка!

– Я тебе не девочка.

Я не ответил. Молчание – знак согласия. Она действительно была далеко не девочкой. Ее фигура, конечно, только начала приобретать должные формы, но уже была достаточно привлекательной и соблазнительной (так бы и съел, извиняюсь за буквальное выражение), а глаза вовсе не выглядели молодыми и наивными. Пережила она если не много, то достаточно.

– Ладно, – она вздохнула. – Хорошо. У тебя есть план?

– Не-а.

– Тогда зачем подбивал работать вместе? – удивилась она.

– На будущее. Всегда полезно иметь связи.

– Идиот.

– Дура, – тут же отозвался я.

– А правда, что вы можете безнаказанно убивать людей? – неожиданно спросила она. –

Ну, то есть, не по закону, а перед Садами?

Вот, уже пошли правильные вопросы.

– Правда.

– Как... как это происходит?

– Как-как, чикнул по горлу ножичком, он и скопытился. Можно утопить, скормить зверям, придушить, дать по голове чем-нибудь тяжелым... Много способов. А что до Садов, то это я и сам без понятия. Просто так есть, вот и все. Поверь, я и сам сотни раз об этом думал – дохлое дело. Мы просто чисты, и для нас убийство не является таким уж грехом перед Райной.

– Наверное, она просто закрывает на вас глаза за все ваши добрые поступки.

Я расхохотался в голос и тут же схватился за обьятый пламенем левый бок, но смеяться не перестал, от чего мне стало вдвойне больнее и втройне веселее.

– Чего?

– Добрые поступки? – я утер образовавшиеся на глазах слезы.

– Да. Вы ведь помогаете людям, разве нет?

– Мы берем с них плату, это совсем другое. Это наша работа, и выполняем мы ее вовсе не по доброте душевной, можешь мне поверить, девчонка.

Она задумалась.

– То есть если вам не заплатят, то ты и спасти никого не попытаешься? Женщину? Ребенка?

– Даже пальцем не двину. Фермеры получают ведь деньги за мясо и зерно, а что с ними будет, если они все это просто раздадут беднякам?

– Помрут с голодухи.

– Вот именно. Всем хочется жить. Все выживают, как могут. Как тебя зовут?

– А вот этого я точно тебе не скажу!

– Как хочешь, – я сел и пожал плечами, встречаясь с ней взглядом. – Я вот Йен.

Она вздохнула.

– Оляха.

Я попытался изобразить как можно более приветливую улыбку.

– Чего лыбишься?

– Мог бы и догадаться, – я показал пальцем на ее волосы. – Темно-рыжие, как кровь. Очень необычный цвет, можешь гордиться.

Девчонка вздрогнула, будто ей отвесили пощечину, и я прикусил язык. Нет, не просто же так ей их обрезают! Мог бы и помолчать, знаток, чтоб тебя, женских душ.

– Ну, раздеваться тебя просить не имеет смысла, так что лучше покажи, что прячешь вон там, в правой руке. Может, вместе придумаем, как это использовать.

Она раздраженно покачала головой, но все же перекинула мне через прутья решетки что-то круглое и коричневое.

Продолговатый острый крюк, блеснув ржавчиной в скупом свете солнца, свалился у моих ног и тихо звякнул...

«Холодно.

Мое тело медленно раскачивается на тяжелых мясных крючьях. Цепи глухо звенят и скрежещут, проворачиваясь на стальных кольцах, прибитых к одинокой виселице на холме.

Я пытаюсь поднять голову. Кажется, на ней что-то надето.

Я открываю глаза, и беззвучный крик застывает у меня в горле.

Они кружат вокруг в своем дьявольском танце заклятий. Огромный красный костер горит в ночи, освещая их нагие изуродованные тела, покрытые слоем черной вязкой грязи, которая струится вниз и заливают холм, отравляя все живое вокруг. Трава погибает.

Я пытаюсь двинуться. Не выходит.

Какой-то шлем, оббитый изнутри чем-то смердящим и липким, все сильнее стягивается на лбу, становясь моей второй кожей. Только через мгновение я понимаю, что это – волчья голова...»

– Йен!

Я вздрогнул и тряхнул головой, избавляясь от плохих воспоминаний.

– С тобой все в порядке?

– В полном, можешь не беспокоиться, – я дрожащими руками поднял с пола крюк и придирчиво осмотрел его с ног до головы. – Ты где его достала?

– Украла у одного из них, пока они пытались меня сюда затащить.

– Неплохо. Совсем не плохо.

А может, она не такая уж и дура, как я сначала подумал. Мне в голову пришла вдруг совсем дурацкая идея, и на секунду я даже хотел ее озвучить, но потом подумал и отбросил ее в сторону. Рано загадывать так далеко. Еще даже не известно, выберусь я отсюда или нет.

– Полезная штука, – я вернул ей мясной крюк, запачканный старой запекшейся кровью. – Но, к сожалению, здесь абсолютно бесполезная. Поверь, я уже несколько дней пытаюсь отсюда выбраться, и ничего. Замки здесь самые лучшие, что есть в Карантании и во всем Тарантуре, и их обычной железякой не откроешь, а решетки прочные как панцирь долбаной морской черепахи: ни согнуть, ни разогнуть. Лучшая тюрьма Держателя, как-никак, и с этим не поспоришь. Но ты все равно его береги.

Да, девочка, и не оплошай, он ведь может спасти тебе жизнь.

– Значит, никакой надежды сбежать?

– Почему же. Надежда всегда есть, надо только ждать и верить, ждать и верить.

– А если убить охранников?

– Идея хорошая, но я уже пробовал. Они всегда ходят парой, да и клетки никогда не открывают, только закрывают. Ключ есть у одного бургомистра, а до него, как видишь, отсюда никак не добраться.

Даже отсюда я чувствовал, как медленно ворочаются мысли в ее голове. Я надеялся, что, может быть, ей удача явит свой лик, но этого не произошло. Девчонка вздохнула и отползла в дальний угол, пристроившись спиной к стене.

Я задумчиво поковырял отросшим за последние несколько недель ногтем свое полотенце (ну, да, когда они меня взяли, я поспешно вылезал из спальни одной женатой дамы) и почесал трехдневную щетину, в которой, кажется, уже начали заводиться вши. Проклятая клетка.

Я не мог сидеть без движения. Это меня буквально убивало, а здесь, в темнице, я и трех полных шагов не сделаю, не то чтобы найти себе какое-нибудь интересное занятие. Поэтому уже через час я валялся по полу и выл от безделья, кусая губы.

– Святая Райна! – воскликнула девчонка, не в силах больше терпеть мои чудачества. – Что с тобой происходит? Ты что, больной?

– Да! – я тут же вскочил на ноги. – Причем на всю голову. Ты хоть представляешь, что я сейчас чувствую?

– Ну, для того, кто скоро отправится на виселицу, ты уж слишком радостный.

– Виселица, – я сплюнул. – Сотни раз их видал, чего мне бояться? Хуже всего отсутствие дела. С пяти лет я в постоянном пути, а с пятнадцати уже самостоятельный проводник. Сейчас же я заперт в этой чертовой клетке и не знаю, что мне делать дальше!

– Ой, не истери, а, и без тебя тошно.

– Я не истерю. Просто жалуюсь. У тебя-то что случилось?

Она снова замолчала, размышляя, говорить мне или нет, а затем начала:

– Фальрик убил моего отца и мачеху за то, что тот подал жалобу Правителю. Вообще он еще кучу людей убил, пока они меня поймали. А теперь бургомистр хочет, чтобы я вышла за него замуж, чтобы замять это дело, но им нужно мое согласие на бумаге.

– А ты его просто так не дашь, я прав?

– Ага. Лучше уж здесь сдохнуть!

Опять за свое, что за народ!

– Ну, не скажи. Если бы мне предоставили такой выбор, то я бы с радостью этого Фальрика хоть удочерил. Кстати, он ведь сыночек бургомистра, так?

– Приемный. Но да, он его сын.

– Так еще лучше. Когда бургомистр скопытитя, будешь управлять всем городом. Сам-то этот удалышь на умного не тянет, и его, судя по всему, мало кто любит. А документ он на то и документ, что его фиг два обманешь. Ты девка умная, справишься, будешь жить в роскоши и достатке...

– Нет, ни за что! Ты не знаешь, что он со мной сделал!

Она поняла, что сказала слишком много, и осеклась.

Я задумчиво пожевал губу. Догадаться не так уж и сложно. Раз бургомистр так хлопочет, чтобы прикрыть это дело перед Правителем, то варианта три: или этот Фальрик совершил воистину массовое убийство, или спер несколько тысяч из казны, или кого-то изнасиловал (у Правителя на этом пункт). Если учесть, что рядом со мной сидит именно девчонка, то вывод ясен. Но говорить об этом я не стал: я хоть и придурок, но язык за зубами, когда надо, держать умею. Правда, тут как в лотерее...

– Ну, вот тебе и выход, – я убрал волосы назад. – Ты согласишься, подберешься поближе к бургомистру и украдешь ключ. Возвращаешься обратно, освобождаешь меня, и мы в шоколаде.

– Если я соглашусь, зачем мне тогда освобождать тебя? Да и вообще, они не придурки, из виду меня не упустят, они же знают, что я хочу сбежать.

– Вот поэтому тебе нужен я. Без меня тебе дальше города не сунутся. В конце концов, кто из нас убийца, ты или я? Тебе главное с ключом пробраться сюда, а там уже моя забота, как нам уйти. Только сама никого не убивай, я тебя умоляю!

– Почему?

– Ты подумай. Одно дело, когда сбежала какая-то девчонка, пусть и важная, а другое дело, когда она еще и убила кого-то из семьи властей. Сейчас им главное вести себя как можно тише, а убийство поднимет такой гвалт, что сбежать нам будет невероятно трудно. Вот когда все уляжется, тогда пожалуйста, вырезай хоть каждого прохожего, только меня не трогай. Обещаю, я тебя не брошу, слово проводника.

– Ясно. Хорошо, можно попробовать, – ну, хоть тут не упирается. – Но только у меня еще одно условие, иначе сделка не состоится.

– Любое. В разумных пределах, разумеется, – тут же согласился я.

– Когда будем уходить из города, убей их.

– Кого?

– Всех, – ответила она, и ее голос глухим эхом разнесся по тюрьме. – И Фальрика, и его отца.

Я довольно хмыкнул. Что ж, может, и получится...

– Если я уйду, как мне вернуться обратно? В Каравай не так-то просто попасть.

– Ну, тут я все разузнал, – я решил, что доверять ей все же можно, мы ведь нужны друг другу, а в таких делах всегда надо сразу же класть все карты на стол. – В каждой такой тюрьме есть свой тайный ход.

– Даже здесь? – удивилась девчонка.

– Даже здесь. Каравай не олухи строили, да и Правители всегда страдали лишней долей паранойи. А вдруг бы их самих сюда кинули? Погоди. Спросишь, почему я им не воспользовался? Все просто: отсюда я до него просто не доберусь. Это новое крыло, а все пути наружу находятся в старом.

– Стой, – она мотнула головой. – Но старое крыло огорожено от нового тройной стеной. Даже если я попаду туда снаружи, то тебя освободить все равно не смогу.

Я усмехнулся.

– Предусмотрительность – вот главное качество любого проводника, девчонка, запомни это. Как только окажешься в старом крыле, ничего можешь не бояться, там охраны нет никакой. Да и зачем? Там только крысы да кости, больше ничего.

– Это я знаю.

– Угу. Так вот снаружи тебе надо найти вход в канализацию – он там один, у северной части Каравая, не заблудишься. На нем решетка, но это тоже не проблема: средний прут потянешь вверх и на себя, он легко снимается. Ты тощая, должна пролезть. Теперь слушай. Слушаешь?

– Да.

– Святая Райна, – тихо пробормотал я. – Надеюсь, память у тебя хорошая...

– Что?

– Ничего. Итак, путь, запоминай: три раза направо, один раз налево, шесть раз прямо, один раз налево, и прямо, пока не упруешься в тупик. Потом тебе надо найти потайной рычаг – благо, работает он с двух сторон, а не только на выход. Он в самом низу, под водой. Она воняет – дерьмо есть дерьмо, что поделаешь, – но ты ведь не брезгливая, да?

– Справлюсь. Что дальше?

– Дальше просто поднимаешься вверх, пока не окажешься в старом крыле. Слева от тебя будет сплошная стена с одним красным камнем, его даже слепой заметит. Жмешь на него, дверь открывается и не закрывается, пока ты будешь внутри. Освобождаешь меня, и мы убираемся. Я знаю короткий путь из города, где тебя никто не остановит.

Любую проблему можно решить одним щелчком пальцев, имелись бы средства. Проблема состояла в том, что никакого красного камня и потайного входа там не было, зато было кое-что другое. Но ей ведь это знать не обязательно, да?

– Я слышала, в старом крыле много неупокоенных душ, которые только и ждут, чтобы какой-нибудь олух залез к ним во владения...

– Бред! – я рассерженно фыркнул. – Не путай сказки с реальностью, неупокоенных душ не бывает. А если бы и были, то уж точно не смогли бы убивать людей, уж поверь мне как профессионалу. Упыри, перевертыши, водяные, вервольфы – сколько угодно, но только не бестелесные мертвецы, так что можешь за себя не бояться. Все просто, как два пальца обоссать, ты и опомниться не успеешь, как уже окажешься на воле.

– Не забудь про Фальрика.

– Даже не надейся. Ему я хочу отомстить не меньше тебя.

– Вот как? Тебе он что сделал?

Я вздохнул и снова прикоснулся к шраму на боку.

– Сама не знаешь? Засадил арбалетный болт в бок. Больно, знаешь ли, а я еще и злопамятный. Не повезло пареньку.

– Точно. Ты-то бежать сможешь с такой раной?

– Смогу, уж поверь. И не при таких ранах бегал. А теперь давай свою лапу, – я поднялся с места и как можно ближе встал к решетке, протягивая сквозь прутья свою руку.

Девчонка отвечать не спешила.

– Зачем?

– Не бойся, не оторву. Мы заключили сделку, так? Надо пожать руки.

– Не мели чепухи, я же не дотянусь. Да и вообще, зачем жать руки? Я тебе все равно не верю, но другого шанса выбраться у меня все равно нет. А тебя должны скоро повесить, так что...

– Спасибо, что напомнила, – проворчал я, но руки не убрал. – Давай-давай, не ленись. Разум разумом, а традиции должны быть соблюдены.

– Святые духи, с кем я связалась, – пробормотала девчонка, но просьбу все-таки выполнила.

Естественно, руки у меня были не резиновые, да и она этим свойством не отличалась, так что наши пальцы даже не соприкоснулись, но надежды я не терял.

– Тянись, – я буквально вжался лицом в прутья, ощущая, как те впиваются в скулы, и продолжал свои попытки.

– Тянусь я, тянусь. Только толку...

– Есть!

Лишь на секунду, но мы все же сделали это. Мою кожу на мгновение будто пронзило током. Девчонка пораженно охнула и сразу же отстранилась, сжимая свою правую руку, а я довольно сел на пол, скрестив под собой ноги.

– Что это было? Ты ведь сказал, что у вас нет магии!

Я махнул рукой.

– Какая магия, девочка? Всего лишь игры обычных человеческих ощущений. Теперь я всегда буду знать, где ты находишься. Да, и не смотри на меня так, я же смущаюсь! Просто страховка: если ничего не выгорит, мне надо знать, ты просто меня кинула, или тебя убили.

– А не все ли равно.

– Поверь, нет.

Я продолжал задумчиво тереть подушечками пальцев друг о друга, вспоминая тот короткий миг нашего единения. Да, теперь я определенно ее ощущал (нет, вы не подумайте, я не какой-нибудь там маньяк или извращенец), но вместе с этим знал, что это куда большее, чем просто страховка. Я сделал ей предложение, она согласилась. Теперь как бы ей все это объяснить и не отхватить по полной...

Кожа бархатистая, местами грубоватая, но так даже лучше – значит, от тяжелой работы не отказывается. И рука твердая, хоть и тощая, сможет держать оружие, вот только не тяжелее палаша или шпаги, надо только научить правильно ставить удар и защищаться. Жаль только, что девчонка, но что поделать, судьба порой бросает нас в такие водовороты, из которых и не выберешься вовсе.

– Когда они должны прийти, не сказали?

Она покачала головой.

– Думаю, завтра-послезавтра, но точно не сегодня. Хотят, чтобы я посидела тут без еды и воды и хорошенько подумала о своей будущей участи, – она поморщилась. – Чтоб им пусто было, сучьи дети!

Я прищурился, внимательно оглядывая ее лицо.

Нет, она навряд ли могла считаться самой красивой девушкой, которую я только встречал – так, скорее терлась где-то в середине между распутной графиней Малковиц и одной девчушкой из Кметки, но почему-то она мне сразу приглянулась.

Волосы, хоть короткие и растрепанные, приятно обрамляли слегка вытянутое округлое лицо с кожей персикового цвета, выделяя необычные чисто-черные лучащиеся глаза редкой миндалевидной формы. Вздернутый нос картошкой изящно подчеркивал немного выступающие высокие скулы, сквозь тонкие розоватые губы виднелись белые (кстати, тоже редкость для этих мест) зубы, а упрямый, чуточку заостренный подбородок едва выступал вперед. Смотри-ка, и даже намек на усы нет! Нет, эта девчонка родилась точно не в Карантании. Жаль только, что с ней такое сделали.

Я стиснул зубы. Фальрика надо убить. И специально для такого случая я сделаю это абсолютно бесплатно.

– Правильно говоришь, – признал я после долгой паузы. – Ну, теперь лучше поспи, во сне голод не так сильно чувствуется, да и нервы успокоишь. Тебе предстоит тяжелый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.